

М. С. ГУТОВСКАЯ

ЭТНОСПЕЦИФИЧНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА И ФАКТОРЫ, ЕЕ ПОРОЖДАЮЩИЕ

Резюме. Рассматривается фразеологическая картина мира и ее этноспецифичность, или этнокогнитивная специфичность (специфичность, детерминированная своеобразием национального мировидения). Показывается, что фразеологическая картина мира любого национального языка представляет собой скорее вольную интерпретацию, чем точную копию мира, так как изображает мир в упрощенном, неточном (несколько искаженном), оценочном и ассоциативном виде: отображает только важные с точки зрения ее носителей черты мира, приписывает миру несуществующие черты, включает ценностное отношение к миру ее носителей, фиксирует представления ее носителей о связях и отношениях феноменов мира. Отмечается, что каждая фразеологическая картина упрощает, искажает, оценивает мир и ассоциативно соотносит его феномены несколько по-своему, и этим предопределяется ее этноспецифичность. Подчеркивается, что этноспецифичность фразеологической картины мира любого языка может быть раскрыта только в сопоставлении ее с фразеологической картиной другого языка. В связи с последним предлагается изучать фразеологическую картину мира исключительно в сопоставительном аспекте, соотнося картины мира, закрепленные во фразеологических фондах разных языков.

Ключевые слова: фразеологическая картина мира; этноспецифичность; этнокогнитивная специфичность (специфичность, детерминированная своеобразием национального мировидения); упрощенность, неточность (некоторая искаженность), оценочность и ассоциативность как качества фразеологической картины мира, обеспечивающие ее этнокогнитивную специфичность; сопоставительное лингвокогнитивное исследование.

Abstract. The phraseological picture of the world and its national specificity, or national cognitive specificity (specificity determined by uniqueness of the national worldview), are considered. It is revealed that the phraseological picture of any language is a free interpretation rather than an exact copy of the world, as it depicts the world in a simplified, imprecise (distorted), evaluative and associative form: displays only those features of the world which the native speakers view as significant, ascribes the world non-existent features, shows the native speakers' value attitude to the world, captures the native speakers' ideas of connections and relations of phenomena of the world. It is noted that each phraseological picture simplifies, distorts, evaluates the world and associates phenomena of the world in its own way to some extent, and this predetermines its national specificity. It is emphasized that the national specificity of the phraseological picture of the world of any language can be detected only in its comparison with the phraseological picture of another language. In connection with this it is suggested that the phraseological picture of the world should be studied in the contrastive aspect solely, through comparing world pictures which are fixed in phraseological resources of different languages.

Key words: phraseological picture of the world; national specificity; national cognitive specificity (specificity determined by uniqueness of the national worldview); simplification, imprecision (distortion), evaluativity and associativity as characteristics of the phraseological picture of the world which ensure its national cognitive specificity; contrastive cognitive linguistic study.

1. Проблематика. Цель. В ходе контактов человека с окружающей действительностью на основе сенсорного опыта, предметно-практической и мыслительной деятельности складываются его представления о мире и формируется ментальный образ мира – «когнитивная» (Попова, Стернин 2007, 52), или «концептуальная» (Серебренников 1988, 107; Болдырев 2001, 23–25), картина мира. Часть существующей в сознании когнитивной картины мира оязыковлена, т. е. овнешнена, объективирована языковыми средствами и отражена в их семантике. Упорядоченная совокупность закрепленных в значениях языковых единиц представлений о действительности называется языковой картиной мира (ЯКМ). Запечатленные в разных национальных языках картины мира «отчасти универсальны, отчасти национально специфичны» (Апресян 1995, 39). Присутствие интернациональных (универсальных, общих) черт в национальных ЯКМ обуславливается единством окружающего мира и человеческой психики (см. Мечковская 1993, 54–55; Вежицкая 1996, 322), биологическим и функциональным сходством мозга представителей всех языковых сообществ (см. Залевская 2007, 213). Наличие национально-специфических черт определяется своеобразием мировидения – мироощущения, мироосмысления, мирооценки – представителей разных языковых общностей (см. Корнилов 2011, 164–282). Интернациональная составляющая разных ЯКМ создает основу взаимопонимания их носителей, национально-специфический компонент каждой ЯКМ может провоцировать трудности в межъязыковой коммуникации.

Предлагаемая работа посвящена фразеологической картине мира (ФКМ) и ее свойствам. Под фразеологической картиной мира конкретного национального языка понимается упорядоченная совокупность отраженных во фразеологической семантике знаний о мире (объективном и субъективном*). Возможность рассмотрения ФКМ в качестве относительно самостоятельного, отличного от ЯКМ, образования обосновывается в работах Д. О. Добровольского (см. Dobrovolskij 1992). ФКМ национального языка обладает рядом важных с точки зрения ее изучения свойств: она выражает особенности национального мировидения (этнокогнитивная специфичность), усваивается абсолютно всеми носителями языка (облигаторность) и воспринимается ими не как национальная интерпретация, а как достоверная копия мира (самоочевидность), является упорядоченной, однако не вполне осознается таковой ее носителями (полуосознаваемость) и т. п.

* В ФКМ, как и в ЯКМ, наряду с миром объективно существующих реалий представлен и мир субъективных категорий: ФКМ (и ЯКМ) фиксирует огромное количество «артефактов сознания» – сущностей, порожденных человеческим сознанием, существующих только в нем и в объективной реальности референтов не имеющих. Продуктами сознания являются абстрактно-логические понятия, субъективные оценочно-ценностные категории и категории мифические (в широком смысле) – придуманные человеком мифологические, фольклорные и литературные образы (см. Корнилов 2011, 286). В ФКМ (и ЯКМ) объективный мир и мир субъективный не противопоставлены друг другу, а тесно переплетены между собой и образуют единый образ мира.

В работе освещается этноспецифичность ФКМ. Национальная специфичность во фразеологии всегда устанавливается для пары привлекаемых к сопоставлению языков, объективируется фразеологизмами, воплощающими собой межъязыковые различия, и бывает трех видов – этнолингвистическая (обусловленная особенностями национального языка), этнокультурная (связанная с самобытностью национальной культуры) и этнокогнитивная (детерминированная своеобразием национального видения мира). В предлагаемой когнитивно ориентированной работе рассматривается этнокогнитивная специфичность ФКМ и вскрываются порождающие ее факторы: устанавливается связь между этнокогнитивной специфичностью ФКМ и такими качествами ФКМ, как упрощенность, неточность (некоторая искаженность), оценочность и ассоциативность. Формулируется вытекающая из свойства этнокогнитивной специфичности методологическая установка исследования ФКМ. Этнокогнитивная специфичность ФКМ как проявление своеобразия упрощения, искажения, оценивания мира и ассоциативного соотнесения его явлений иллюстрируется примерами, выражающими различия русской и английской ФКМ.

2. Качества ФКМ, обуславливающие ее этнокогнитивную специфичность. Между действительностью и ее отображением во фразеологической картине любого естественного языка нет полного тождества. Специфичными являются как предмет фразеологического изображения (т. е. то, что изображается), так и способ изображения (то, как изображается). Фразеологическая картина не копирует предмет изображения, а воспроизводит его в упрощенном и неточном (несколько искаженном) виде: в конкретной национальной ФКМ отображаются не все свойства мира целиком и полностью, а лишь те, которые понимаются ее носителями как важные (упрощенное знание о мире), и содержатся черты, которыми в действительности мир не обладает (заблуждения и вымыслы). Упрощенно-искаженный предмет изображения представляется в ФКМ оценочным и ассоциативно-образным способом: в ФКМ вписывается ценностное отношение ее носителей к миру (ценностная оценка) и фиксируются представления ее носителей о связях феноменов мира (ассоциации). Разные ФКМ упрощают, искажают, оценивают мир и ассоциативно связывают его феномены несколько по-своему, что и предопределяет этнокогнитивную специфичность каждой ФКМ. Степень самобытности фразеологических (и языковых) интерпретаций феноменов мира объективного и мира субъективного различается. Максимальной специфичностью отличаются запечатленные в разных национальных ФКМ (и ЯКМ) изображения одних и тех же артефактов сознания; расхождений в разноязычных картинах объективно существующих реалий сравнительно меньше (см. Корнилов 2011, 284). И все же этнокогнитивная специфичность, обусловленная особенностями упрощения, искажения, оценивания мира и ассоциативного соотнесения его феноменов, является неотъемлемым свойством ФКМ в целом и каждого ее фрагмента в отдельности.

2.1. Упрощенность ФКМ. Образ мира, представленный во фразеологической картине любого национального языка, является упрощенным* (неполным и поверхностным). Во-первых, в ФКМ имеются белые пятна – множество реально существующих в мире объектов не отражены в ФКМ (и ЯКМ). В связи с этим можно сказать, что любая ФКМ является неполной. Присутствие в ФКМ белых пятен связано с предельностью человеческих возможностей миропонимания и избирательностью языкового сознания в присвоении мира. Познавательные возможности человека ограничены, поэтому многие феномены мира остаются непостижимыми для человека и не представлены в ФКМ (и ЯКМ) (см. Серебренников 1988, 87, 101–104). Кроме того, не все то, что воспринимается человеком и понятно ему, оказывается запечатленным в ФКМ (и ЯКМ). Языковую номинацию обретают лишь важные для человека («солиентные», в терминологии Е. В. Рахилиной) и коммуникативно востребованные объекты материального и духовного мира, а для всего неактуального и коммуникативно нерелевантного названия в языке отсутствуют (см. Кубрякова 1994, 37; Рахилина 2010, 15). Например, в русском языке нет наименования для такой объективно существующей, но малозначимой реалии, как полоска льда на тротуаре, по которой можно, разбежавшись, прокатиться зимой; непоименованной остается такая закрытая для обсуждения реалия, как сухое вещество, собирающееся в уголке глаза (примеры З. Д. Поповой и И. А. Стернина (см. Попова, Стернин 2007, 85), и многое другое.

Во-вторых, наличествующие в ФКМ объекты изображаются поверхностно: отображаются только те свойства объекта, которые воспринимаются органами чувств в процессе взаимодействия с ним человека, более глубокие аспекты объекта могут игнорироваться. В этом смысле любую ФКМ можно считать поверхностной. Поверхностность фразеологического изображения феноменов мира и человека как его части может быть показана на примере русской фразеологической картины речевого аппарата. Состав органов, участвующих, по данным русской ФКМ, в продуцировании речи, далеко не полон. Участие тех или иных органов в речепроизводстве, очевидно, устанавливается русскоязычным сознанием на основании факта их движения, определяемого путем непосредственного наблюдения и по факту кинестезических (двигательных) ощущений говорящего. К речевым причисляются те органы, движение которых наблюдается/ощущается при производстве речи: самый подвижный орган речи – язык (*трепать языком*), губы (*едва шевелить губами*) и напрягающиеся и сужающиеся/расширяющиеся при говорении глотка и горло (*во все горло/глотку кричать*). В связи с особенностями произношения отмечено также

* Несмотря на упрощенность отображения мира, фразеологическая (как и языковая) картина любого национального языка воспринимается ее носителями как полная, ведь «предмет существует только в отраженной своей части; в непознанной же своей части он не существует для нашего сознания, хотя и существует объективно» (Серебренников 1988, 88).

участие в производстве речи носовой полости (*говорить в нос*), зубов (*говорить сквозь зубы*) и рта (*каша во рту* 'о невнятном произношении'). Русской ФКМ проигнорирована, не замечена значительная часть органов, участвующих в речепроизводстве, – легкие с бронхами и трахеей, создающие и проводящие необходимую для образования речевых звуков струю воздуха, голосовые связки, благодаря колебаниям которых генерируется голос, небная занавеска с увулой, твердое небо (пассивный орган речи): в русском языке отсутствуют фразеологизмы, относящиеся к продуцированию речи, которые бы включали в свой состав компоненты *легкие, бронхи, трахея, голосовые связки, небная занавеска, увула, твердое небо*. Примечательно, что, не отмечая участия в производстве речи скрытых от непосредственного наблюдения голосовых связок, русскоязычное сознание все же связывает этот процесс с той частью тела, где голосовые складки расположены, – с горлом, так как при интенсивном говорении в этом участке отмечается некоторая усталость, дискомфорт (*орать до хрипоты в горле*). В связи с порождением речи также упоминается вместилище легких – грудь: *надсаживать грудь, грудной голос*.

ФКМ разных национальных языков могут отличаться по полноте, по составу запечатленных в них объектов мира. Особенности отображения мира и его объектов в национальных ФКМ проявляются в наличии фразеологизмов, не имеющих эквивалентов в других языках. Однако не всякий случай фразеологической безэквивалентности имеет когнитивную природу. Межъязыковая фразеологическая безэквивалентность может быть обусловлена интралингвистическими, культурными (внешними) и когнитивными (внутренними) причинами. Лингвистически обусловленная межъязыковая фразеологическая безэквивалентность связана с номинативными особенностями языка – именованьем некоторого феномена в одном языке фразеологическими средствами, а в другом – лексическими. К примеру, английскому фразеологизму *airs and graces* в русском языке соответствуют лексемы *манерность, жеманство*. Культурно обусловленная безэквивалентность определяется различиями в природно-географической среде, социально-политическом устройстве, истории, духовной и материальной культуре этнолингвокультурных сообществ – отсутствием в одном из них соответствующего явления. Для пары русской и английской ФКМ безэквивалентность этого типа можно проиллюстрировать примерами *вождь всех времен и народов* (о Сталине), *Union Jack* (название государственного флага Соединенного королевства). Когнитивно обусловленная безэквивалентность предопределяется особенностями склада мышления – наличием потребности у одной из этнолингвокультур различать и фиксировать в языке то, что другая этнолингвокультура не различает. Например, понятие времени, посвященного общению с людьми, семьей или проведенного за любимым и важным занятием, закреплено в английской ФКМ номинативной единицей *quality time*, но не представлено в русской ФКМ (как и русской ЯКМ). Квалификация каждого обнаруженного в ходе сопоставительного изучения фразеологических фондов разных языков безэквивалентного фразеологизма как лингвистически, культурно или когнитивно обусловленного требует выяснения причин межъязыковой безэквивалентности.

Национальные ФКМ могут различаться не только по полноте изображения мира, но и по глубине представления присутствующих в них объектов мира. Так, английская ФКМ несколько глубже, чем русская, рассматривает речевой аппарат, состав органов, участвующих в порождении речи, относя к ним и легкие: ср. английские фразеологизмы со значением 'очень громко говорить, кричать' с компонентом *lungs* 'легкие' (*bawl at the top of one's lungs* (досл. 'орать во всю силу своих легких'), *scream one's lungs out* (досл. 'выкрикивать свои легкие наружу')^{*}).

2.2. Неточность ФКМ. ФКМ любого языка является неточной, немного искаженной, неправильной. Неточность фразеологических изображений отдельных объектов мира связана с устойчивостью ФКМ к изменениям, ее консервативностью. ФКМ (как и ЯКМ) хранит в себе следы древних – архетипических и мифологических – форм миропонимания (которые, кстати, и по сей день служат источником образных аналогий восприятия мира), а также содержит неверные обиходные представления, сложившиеся в жизнедеятельностной практике человека. Неточность русской ФКМ высвечивает, к примеру, во фрагменте, связанном с речепроизводством. Так, во фразеологизме *держат язык на привязи* со значением 'помалкивать' воплощены мифологические представления, сложившиеся на основе анимизма^{**} и одушевляющие и олицетворяющие язык как часть тела человека. В этом фразеологизме язык представляется как субъект речедействия, способный действовать самостоятельно (независимо от человека) и непредсказуемо, и «уподобляется животному, которое из-за своего непрогнозируемого поведения содержится на привязи» (Телия 2006). Неверными являются и обиходные представления о производстве речевых звуков, произнесении членораздельных элементов речи. В соответствии с русскими фразеологическими представлениями основным органом, обеспечивающим озвучивание речи, является язык: для порождения речевых звуков языком совершают различные манипуляции – *языком болтают, плетут, звонят*, сбои в звукопроизводстве описываются как нарушения в функционировании языка – *язык заплетается, отнялся, прилип к гортани*. Однако сегодня науке известно, что язык не участвует в порождении большинства звуков речи: гласных (таких как [a]), сонорных ([m]), звонких шумных ([d]), а также глоттальных ([x]) звуков. Гласные, сонорные и звонкие шумные произносятся с модальным голосом, возникающим в результате вибрации голосовых связок (язык участвует лишь в модификации некоторых из этих звуков), глоттальные образуются смыканием голосовых связок.

Неточность фразеологических картин разных языков может быть своеобразной: национальные ФКМ могут отличаться по составу заключенных в них вымыслов и заблуждений.

* Подробнее об этом см.: Гутовская 2009.

** Анимизм – это одушевление неживого или несуществующего в действительности.

2.3. Оценочность ФКМ. Наряду с упрощенными знаниями, а также заблуждениями и вымыслами о свойствах объекта мира его фразеологическое изображение конституируют и ценностные оценки отдельных его свойств человеком. Ценностно-оценочная составляющая ФКМ проявляется, к примеру, в организации элементов фразеологического образа. Отображаемые в ФКМ (и ЯКМ) свойства-элементы объекта иерархически упорядочены в зависимости от числа обслуживающих их фразеологических (лексических) единиц (см. Апресян 1995, 45, 48), и главным принципом иерархизации в ФКМ (и ЯКМ) выступает «принцип ценностной ориентированности» (Постовалова 1988, 45). Образно говоря, наиболее значимые элементы объекта изображаются крупным планом, неестественно крупными по размерам – объективируются большим количеством фразеологизмов (лексем). И чем выше значимость элементов, тем крупнее их фразеологическое (языковое) изображение, т. е. многочисленнее фразеологическая (лексическая) объективация. Ю. Д. Апресян реконструировал закреплённую в русском языке организацию образа системы физического восприятия человека, выявил в русском языковом образе системы восприятия упорядоченность пяти ее подсистем – зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания. «Очевидно, что наиболее разнообразна и богата лексика, обслуживающая зрительное восприятие. За ней, существенно уступая ей в объеме, следует лексика слуха. Обоняние, вкус и осязание, по числу обслуживающих их лексем уступающие слуху, друг от друга отличаются не столь заметно» (Апресян 1995, 48). Каждая подсистема системы чувственного восприятия человека локализуется в определенном органе – в глазах, ушах, носе, языке и коже соответственно. Поэтому языковой образ системы чувственного восприятия человека может быть представлен вполне наглядно: человек воспринимающий запечатлен в русской языковой картине с гигантскими глазами, большими ушами и одинаково небольшими, невыделенными носом, языком и кожей. Такой принцип воспроизведения напоминает диспропорциональность изображений в детских рисунках.

Ю. Д. Апресян отмечает, что подсистемы в русской языковой картине системы восприятия «упорядочены по важности в зависимости от объема информации, поступающей через них в сознание человека» (Там же). В связи с общечеловеческим характером системы – система чувственного восприятия одинакова у всех людей вне зависимости от их языковой принадлежности и одинаков объем поступающей через каждую из ее подсистем информации – отображенная в русской ЯКМ иерархизация ее подсистем может быть универсальной, повторяющейся во всех языках человечества, а противопоставиться могла бы лишь языковой иерархизации других живых существ с отличной от человеческой системой чувственного восприятия, если бы языки у них имелись. «Сказанное прямо связано с антропоцентричностью языка: человек различает большее количество зрительных и слуховых образов (последнее, видимо, из-за устности языка), чем любое другое живое существо. Наоборот, его обоняние гораздо менее развито, чем, скажем, у собак, которые различают, как известно, до 300 тыс. запахов. С меньшей остротой обоняния и связана относительная бедность соответствующего класса лексем. В “каницентрическом” языке, будь он возможен, первое место в иерархии занимало бы обоняние» (Там же, 49).

Манифестируется ценностно-оценочная составляющая ФКМ и в технике написания элементов воспроизводимого объекта. Изображения крупных, выделенных частей объекта могут отличаться по технике написания. Представляется возможным разграничивать отличия в уровне детализации и емкости изображения. Детально прорисовываются те элементы объекта, которые обладают культурной маркированностью – являются частью многих сфер жизнедеятельности человека и знакомы ему в мельчайших подробностях. Объемно во фразеологической картине изображаются когнитивно отмеченные свойства – свойства, осознаваемые носителями ФКМ как наиболее важные. Культурная (внешняя) и когнитивная (внутренняя) значимость находят выражение в разных языковых явлениях: первая проявляется в наличии множества семантически неоднородных, дифференцирующих наименований, вторая – в наличии множества синонимов* (закон притяжения синонимов С. Ульмана). Менее важные элементы объекта изображаются более мелкими по размеру, обозначаются крупными мазками (не детально) и представляются плоскостно (не объемно), т. е. объективируются небольшим количеством номинативных единиц с общей семантикой, почти не имеющих синонимов.

Различия в технике написания могут быть продемонстрированы на примере русской фразеологической картины спора, в частности на примерах изображения двух составляющих спора, которые занимают верхние позиции в русской фразеологической иерархизации элементов спора, – этапов спора и форм речевого взаимодействия в нем. Эти аспекты спора представлены наибольшим количеством фразеологизмов и, следовательно, являются, по данным русской фразеологии, наиболее ценностно значимыми составляющими спора, наиболее крупно изображенными элементами в русской фразеологической картине спора. Однако техника написания этих двух крупных элементов различается. Этапы спора прорисованы детально – представлены множеством семантически разнообразных, детализирующих фразеологизмов. Так, 15 фразеологизмов, относящихся к основному этапу спора, передают 10 различных семантических признаков, т. е. в среднем на один дифференцирующий семантический признак приходится по 1,5 фразеологизма. Детальность прорисовки свидетельствует о культурной (внешней, связанной с реальностью ситуации спора) значимости этого аспекта спора. В русском фразеологическом образе спора зафиксированы объективно существующие в русской лингвокультуре разнообразие речевых действий, совершаемых коммуникантами на предварительном и основном этапах спора, и многочисленность возможных вариантов завершения спора.

* Наблюдения о различиях в языковом выражении культурной и когнитивной значимости признаков объекта впервые были изложены в другой работе автора (см. Гутовская 2014, 51–52).

Формы речевого взаимодействия в споре изображены в русской ФКМ объемно – репрезентированы множеством синонимичных фразеологизмов, называющих относительно небольшое количество этических и тактических принципов ведения спора. К примеру, 27 фразеологических наименований этических принципов ведения спора реализуют 5 значений – в среднем по 5,4 фразеологизма на одно значение. Такая объемность изображения говорит о высокой когнитивной значимости этой составляющей спора. Формы речевого взаимодействия в споре осознаются, понимаются русскоговорящими как наиболее важные в споре. И это неудивительно, ведь форма взаимодействия между коммуникантами, зависящая от того, какие личностные качества (положительные или отрицательные) они проявляют в споре и какие приемы спора (честные или нечестные) используют, является фактором, определяющим продуктивность спора.

Национальные фразеологические картины одного и того же феномена мира могут отличаться по иерархической упорядоченности его элементов и технике их изображения. Такие отличия могут свидетельствовать о закреплённых во фразеологических фондах национальных языков несоответствиях в культурной и/или когнитивной значимости соответствующих свойств феномена.

2.4. Ассоциативность ФКМ. Фразеологизмы в большинстве своем возникают в результате переосмысления, предполагающего установление ассоциативной связи между двумя разными сущностями – сущностью, являющейся предметом фразеологической номинации, и сущностью, которой предмет фразеологической номинации уподобляется. Формирование таких фразеологизмов предполагает реализацию ряда ментальных операций: 1) вычленение в действительности, или пространственно-временном континууме, фрагмента, который впоследствии будет номинирован фразеологическим способом; 2) рационально-эмоциональное осмысление вычлененной сущности (выделение совокупности ее характерных признаков и свойств и выработка эмоционально-оценочного отношения к ней), венчающееся оформлением ее когнитивной структуры; 3) сопоставление новой, только оформившейся когнитивной структуры осмысляемой сущности с другими имеющимися в когнитивной базе структурами, репрезентирующими сформированные в предшествующем опыте знания и представления, для обнаружения сходной когнитивной структуры; 4) ассоциативное сближение двух схожих по структуре когнитивных субстратов – нового и давно знакомого – и установление связи между ними; 5) фиксирование на когнитивном уровне установленной связи между двумя структурами в оболочке, «языковом теле» фразеологизма*.

Например, при вычленении и последующем рационально-эмоциональном осмыслении ситуации, когда кто-либо непредусмотрительно открывает кому-либо доступ к сфере, где он, преследуя свои корыстные интересы, может причинить вред, выводится ее когнитивная структура, или ментальная модель, представленная набором из четырех признаков: три участника ситуации – агент, пациент и локатив; иерархичность отношений между участниками ситуации – пациент подчинен агенту, локатив зависим от агента; свойства недалёковидности агента, уязвимости локатива и заинтересованности и вредоносности пациента; неприемлемость ситуации (отрицательное эмоционально-оценочное отношение к ситуации). На основании выделенных признаков осмысляемая ситуация соотносится с ситуацией знакомой и сходной по структуре: хозяин неосмотрительно пускает своего козла в огород, в результате чего животное, удовлетворяя свой аппетит (поедая насаждения), наносит огороду вред. В двух ситуациях сходны количество участников, характер отношений между ними и их качества, обе ситуации вызывают отрицательное эмоционально-оценочное отношение. В результате ассоциативного сближения осмысляемая ситуация получает фразеологическое обозначение *пускать козла в огород*, и ее когнитивная структура переводится в семантическую структуру фразеологизма: *пускать козла в огород* (разг., ирон.) дать кому-либо доступ туда, где он может быть особенно вреден; допустить кого-либо к тому, из чего он хочет извлечь пользу*.

Большинство фразеологических моделей переосмысления – когнитивных схем, воплощающих структурно-смысловую изоморфизм двух ассоциативно сближаемых сущностей, – представлены в разных языках. К примеру, модель переосмысления «непредусмотрительно допускать кого-либо туда, где он, преследуя свои корыстные интересы, может причинить вред» → «неосмотрительно открывать домашнему животному доступ к тому, чему он, удовлетворяя свои потребности, может нанести вред» знакома также английскому и немецкому языкам – ср. английский и немецкий фразеологизмы, которые восходят к названной модели переосмысления, но весьма своеобразно реализуют ее в своих образных основах: *to put the cow to mind the corn* (букв. 'доверить корове смотреть за зерновыми'), *den Bock zum Gärtner machen* (букв. 'сделать козла садовником').

Однако ассоциативно-образная база фразеологических фондов разных языков может не совпадать, что проявляется в наличии фразеологизмов, базирующихся на моделях переосмысления, не имеющих когнитивных аналогов во фразеологии других языков. Такие фразеологизмы отображают уникальные представления отдельного языкового социума о связях и отношениях феноменов мира. Носителям тех языков, которым не известны соответствующие модели переосмысления, бывает сложно понять возводимые к ним фразеологизмы, правильно соотнести два плана их семантики – прямой и переосмысленный, или, в терминологии Дж. Лакоффа и М. Джонсона, правильно соотнести область-источник (source domain) и область-цель (target domain) (см. Lakoff, Johnson 1980). Так, английский фразеологизм *to take one's life in one's own hands* (букв. 'взять свою жизнь в свои собственные руки') со значением 'делать что-либо опасное или рискованное' будет не вполне понятен носителям русского языка, так как прямой план фразеологизма – «взятие своей жизни в свои собственные руки» – в русскоязычном сознании ассоциируется не с риском, а, скорее, с идеей самостоятельности и независимости.

* Подробнее об этом см.: Гутовская 2010, 249–250.

3. Выводы. Методологическое следствие этнокогнитивной специфичности ФКМ. Итак, ФКМ (и ЯКМ в целом) представляет собой не зеркальное отображение мира, а его интерпретацию. ФКМ любого национального языка включает как интернациональные (общие), так и национально-специфические (уникальные) черты. Этнокогнитивная маркированность ФКМ разных языков обусловлена особенностями этнического видения мира, в частности самобытностью упрощения, искажения, оценивания мира и ассоциативного сближения его феноменов.

Этнокогнитивная специфичность ФКМ конкретного языка не ощущается ее носителями. Носители не осознают, что предмет изображения ФКМ родного языка – набор отображенных объектов мира и их реальных (знания) и воображаемых (вымыслы, заблуждения) свойств, а также присущий родной ФКМ способ изображения – организация во фразеологическом образе элементов объекта, техника их написания и их представление через ассоциируемые с ними сущности – отчасти национально обусловлены. Этнокогнитивная специфичность любой ФКМ может быть раскрыта не иначе как в сопоставлении ее с иноязычной. Поэтому наиболее эффективным в изучении ФКМ (и ЯКМ) считается межъязыковой сопоставительный подход (об этом, хотя и в несколько другой связи, говорят многие работающие в лингвокогнитивном ключе исследователи (см. Апресян 1995, 44; Мокиенко, Николаева 2002, 26; Попова, Стернин 2007, 38; Мечковская 2010, 20–21; Алефиренко 2010, 136). В исследованиях контрастивных, предполагающих сравнение фразеологических изображений мира (или отдельных его феноменов) разных языков, национальные особенности фразеологического воспроизведения мира и его феноменов проявляются наиболее рельефно.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М., 2010.
- Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания // Вопр. языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
- Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Тамбов, 2001.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Гутовская М. С. Концепт «Речепроизводство» в языковом и научном сознании // *Rossica Olomucensia*. 2009. XLVIII. С. 253–257.
- Гутовская М. С. Фразеология в когнитивном аспекте // *Die slavischen Sprachen im Licht der kognitiven Linguistik* (Славянские языки в когнитивном аспекте). Wiesbaden, 2010. С. 241–255.
- Гутовская М. С. Фразеосемантическое поле в компаративном лингвокогнитивном освещении: направления и метод исследования // *Respectus Philologicus*. 2014. № 25 (30). С. 33–54.
- Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М., 2007.
- Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2011.
- Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // *Вопр. языкознания*. 1994. № 4. С. 34–47.
- Мечковская Н. Б. Когнитивная лингвистика в СНГ: разнообразие программ и методологические коллизии // *Die slavischen Sprachen im Licht der kognitiven Linguistik* (Славянские языки в когнитивном аспекте). Wiesbaden, 2010. С. 13–36.
- Мечковская Н. Б. Язык и общество // *Общее языкознание: сущность и история языка*. Минск, 1993. С. 21–121.
- Мокиенко В. М., Николаева Е. К. Интернациональный фонд русской фразеологической картины мира // *Rossica Olomucensia*. 2002. XL. С. 17–34.
- Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М., 2007.
- Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // *Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира*. М., 1988. С. 8–69.
- Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2010.
- Телия В. Н. Держать язык на привязи // *Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий*. М., 2006. С. 173.
- Серебренников Б. А. Как происходит отражение картины мира в языке? // *Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира*. М., 1988. С. 87–107.
- Dobrovolskij D. Phraseologie und sprachliches Weltbild (Vorarbeiten zum Thesaurus der deutschen Idiomatik) // *Deutsche Phraseologie in Sprachsystem und Sprachverwendung*. Wien, 1992. S. 171–195.
- Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago ; London, 1980.

Поступила в редакцию 02.06.2014.

Марина Степановна Гутовская – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языкознания.